

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г99

Victor Hugo
LES MISÉRABLES

Сокращенный перевод с французского
под редакцией Э. О. Выгодской

Оформление А. Саукова

В оформлении обложки использована
репродукция картины «Юные патриоты» (1830)
художника Филиппа-Огюста Жанрона (1809–1877)

Гюго, Виктор.

Г99 Отверженные / Виктор Гюго ; [перевод с французского Э. И. Выгодской]. — Москва : Эксмо, 2020. — 768 с.

ISBN 978-5-04-106865-3

Знаменитый роман-эпопея Виктора Гюго о жизни людей, отвергнутых обществом. Среди «отверженных» Жан Вальжан, осужденный на двадцать лет каторги за то, что украл хлеб для своей голодающей семьи, маленькая Козетта, превратившаяся в очаровательную девушку, жизнерадостный уличный сорванец Гаврош. Противостояние криминального мира Парижа и полиции, споры политических партий и бои на баррикадах, монастырские законы и церковная система — блистательная картина французского общества начала XIX века.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-106865-3

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

До тех пор пока общественные законы и нравы будут допускать лишение человека его прав, создавать для него ад на земле и роковым образом осложнять его судьбу; до тех пор пока не будут разрешены три основные проблемы века: вопрос об угнетении человека, ставшего пролетарием, вопрос о падении женщины из-за голода и гибели ребенка, лишившегося крова; пока во многих странах еще будет возможен тяжкий социальный гнет — иными словами, пока не исчезнут на земле невежество и нищета, — до тех пор книги вроде этой будут нужны.

Виктор Гюго

*Отвиль — Гауз,
1862*

Часть 1

ФАНТИНА

Книга первая

ПРАВЕДНИК

1. Мириель

В 1815 году епископом в городе Дине был Шарль-Франсуа Бьенвеню Мириель. Это был старик лет семидесяти пяти; он занимал местную епископскую кафедру с 1806 года.

Монсеньор Мириель был сыном советника судебной палаты в городе Эксе и по рождению принадлежал к чиновной аристократии. Рассказывали, что отец его, желая обеспечить за сыном свою должность, женил его очень рано, лет двадцати, как то водилось во многих семьях крупных чиновников. Шарль Мириель, несмотря на раннюю женитьбу, заставил много говорить о себе. Он был красив, хоть и мал ростом, изящен, любезен, остроумен и всю первую половину жизни посвятил свету и любовным приключениям.

Наступила революция. События быстро сменяли друг друга. Многие чиновные семьи были разорены, изгнаны из Франции и рассеялись по свету. С первых же дней революции Шарль Мириель эмигрировал в Италию. Жена его умерла от чахотки, которой давно страдала. Детей у них не было. Что произошло потом в жизни Мириеля и вызвало перемену в его судьбе? Крушение старой французской аристократии, гибель его собственной семьи, трагические ли происшествия девяносто третьего года, казавшиеся, быть может, издали гораздо ужаснее, — что натолкнуло его на мысль об отречении от мира? Или, быть может, во время его бурной жизни его постиг один из тех таинственных и ужасных ударов судьбы, которые иногда переворачивают сердце

человека, не дрогнувшего при катастрофе политической, приведшей его к разорению?

Никто не мог этого сказать; известно было только то, что из Италии он возвратился уже священником.

В 1804 году Мириель служил приходским священником в Бриньоле. Он был уже стар и жил в глубоком уединении.

Во время коронации Наполеона I одно незначительное приходское дело заставило Мириеля приехать в Париж. Он обратился к кардиналу Фешу с ходатайством за своих прихожан. Как-то раз, когда император посетил своего дядю, почтенный священник, дожидавшийся в приемной, попался на глаза его величеству. Наполеон, увидев, с каким любопытством рассматривает его старик, обернулся и резко спросил:

— Кто этот маленький старичок, который не сводит с меня глаз?

— Ваше величество, — отвечал Мириель, — вы смотрите на маленького старичка, а я смотрю на великого человека. Каждому из нас это может быть полезно.

Император в тот же вечер спросил у кардинала имя этого священника, а спустя немного времени Мириель узнал, что его назначили епископом в Динь.

Никто, впрочем, не может сказать, насколько достоверен рассказ о первой части жизни Мириеля: очень немногие знали его семейство до революции.

После своего приезда в Динь Мириель подвергся участи всякого вновь прибывшего в маленький город, где много болтливых языков и мало мыслящих голов; он подвергся этой участи, несмотря на то что был епископом, и даже, быть может, благодаря этому.

Но в конце концов предположения, связанные с его именем, остались только предположениями; никто ничего не знал достоверно.

Как бы то ни было, после девяти лет пребывания епископа в Дине все разговоры, занимавшие в первое время маленький город и маленьких людей, были прочно забыты. Никто не осмелился бы теперь даже вспомнить о них.

Мириель приехал в Динь в сопровождении своей незамужней сестры, мадемуазель Баттистины, которая была на десять лет моложе его.

У них была единственная служанка, мадам Маглуар, ровесница мадемуазель Баттистины. Мадам Маглуар, раньше бывшая просто служанкой священника, получила теперь двойное звание: горничной барышни и экономки его преосвященства.

Мадемуазель Баттистина была высокая, бледная, худая тихая женщина; она никогда не была красива, но вся ее жизнь, полная добрых дел, наложила на нее печать ясности и чистоты, а под старость она приобрела то, что можно назвать красотой доброты. То, что в молодости было худошавостью, в позднем возрасте сделалось прозрачностью. Она была как бы соткана из тени, у нее словно вовсе не было тела; в этой хрупкой оболочке заключался какой-то свет; ее большие глаза всегда были опущены вниз.

Мадам Маглуар была маленькая старушка, беленькая, толстенькая, не сидевшая ни минуты на месте, вечно задыхавшаяся от постоянной беготни, а также вследствие мучившей ее астмы.

По приезде господин Мириель был водворен в своем дворце со всеми почестями, какие полагались ему согласно императорскому декрету, ставившему епископа на второе место после маршала. Мэр и председатель судебной палаты первые нанесли ему визит, к генералу же и префекту города первым поехал сам епископ.

Весь город стал ждать, как проявит себя епископ на новом месте.

2. Господин Мириель становится монсеньором Бьенвеню

Епископский дворец в Дине находился рядом с больницей.

Это был прекрасный, просторный каменный особняк, выстроенный в начале прошлого века доктором богосло-

вия парижского факультета, преосвященным Анри Пюже, аббатом Симорским, бывшим в 1712 году епископом города Диня. То было настоящее здание феодальной эпохи. Все в нем было грандиозно: и личные покои епископа, и приемная, и залы, и парадный двор, очень просторный, со сводчатыми галереями в старинном флорентийском стиле, и сады с великолепными деревьями.

Больница помещалась в небольшом одноэтажном низеньком здании с маленьким садом. Три дня спустя после своего приезда епископ посетил больницу. Осмотрев ее, он вызвал директора к себе.

— Господин директор, сколько у вас в настоящее время больных? — спросил он.

— Двадцать шесть, ваше преосвященство.

— По моему счету столько же, — сказал епископ.

— Кровати, — сказал директор, — стоят слишком близко одна к другой.

— Это я тоже заметил.

— Палаты — тесные комнатки, и в них плохая вентиляция.

— Это и мне также показалось!

— В саду мало места для гулянья выздоравливающих в солнечные дни.

— То же самое и я подумал.

— Во время эпидемий — в нынешнем году у нас был тиф, а два года тому назад горячка — больных иногда было человек до ста, и мы не знали, как их разместить.

— Это мне тоже приходило в голову!

— Что делать, ваше преосвященство, — отвечал директор, — приходится мириться!

Этот разговор происходил в парадной столовой епископского дворца.

Помолчав немного, епископ быстро повернулся к директору:

— Как вы думаете, сколько кроватей может поместиться в этой комнате?

— В столовой вашего преосвященства? — с изумлением воскликнул директор.

Епископ обвел взглядом залу, точно желая измерить ее на глаз.

— В ней легко можно установить двадцать кроватей, — сказал он как бы про себя, потом продолжал вслух: — Послушайте, господин директор. Здесь явно произошла ошибка: вы двадцать шесть человек помещаете в пяти-шести маленьких комнатках, нас же всего трое, а помещение у нас на шестьдесят человек. Здесь очевидное недоразумение: вы поселились в моем, а я в вашем доме. Отдайте мне мой дом и возьмите себе ваш.

На следующий день двадцать шесть больных бедняков были переведены во дворец епископа, а епископ перешел в больницу.

У епископа Мириеля не было своего состояния, его семья была разорена. Сестра его имела пожизненную ренту¹ в пятьсот франков, которой как раз хватало на ее расходы. Мириель получал от государства, как епископ, оклад в пятнадцать тысяч франков. В тот день, когда епископ Мириель перебрался в больницу, он раз навсегда распределил расходование этой суммы. Смету он составил своей рукой:

На выкуп из долговой тюрьмы отцов семейств	1000 франков
Дополнительные оклады сельским учителям ...	2000 франков
Хлебозапасным магазинам в департаменте	
Верхних Альп	100 франков
Женской конгрегации ² Диня, Маноска и Систерона для бесплатного обучения девочек	1500 франков
и т.д. и т.д.	
Кроме того, бедным.....	6000 франков
Мои личные расходы	1000 франков

¹ Рента — годовой доход с капитала.

² Конгрегация — объединение монашеских общин католической церкви.

Так монсеньор распределил все 15 000 франков.

За все время своего пребывания на епископской кафедре в Дине преосвященный Мириель не изменил ни в чем этого распределения. Он называл его «смета расходов моего дома».

Это распределение было принято мадемуазель Баттистиной без возражений. Для этой святой девушки епископ был в одно и то же время и братом и духовным лицом. Она простодушно любила его и благоговела перед ним. Она повиновалась его слову и была согласна со всеми его действиями. Только одна служанка, мадам Маглуар, иногда немного ворчала. Как указано выше, епископ на свои расходы оставил только тысячу франков, которые вместе с пенсией мадемуазель Баттистины составляли полторы тысячи франков в год. На эти полторы тысячи жили все трое: обе старухи и старик.

И когда какой-нибудь сельский священник приезжал в Динь, епископ благодаря строгой экономии мадам Маглуар и разумной распорядительности мадемуазель Баттистины находил еще возможность принять его у себя.

Пробывши в Дине месяца три, епископ как-то раз заметил:

— А ведь я, правду сказать, очень стеснен в средствах!

— Еще бы! — воскликнула мадам Маглуар. — Ваше преосвященство не потребовали даже прибавки, которую департамент обязан вам выдавать на содержание городского экипажа и на разъезды по епархии. Прежние епископы всегда пользовались этим правом.

— А ведь вы правы, мадам Маглуар! — сказал епископ.

И он подал заявление о прибавке.

Спустя немного времени генеральный совет, приняв во внимание требование епископа, постановил выдавать ему ежегодную сумму в три тысячи франков под следующей рубрикой: «Епископу на содержание экипажа, на почтовые расходы и на разъезды по епархии».

Мадам Маглуар обрадовалась прибавке.

— Слава богу! — сказала она мадемуазель Баттистине. — Его преосвященство начал с других, но потом вспомнил и о себе. Он уже отдал бедным все суммы, которые им полагались. Эти три тысячи останутся нам. Наконец-то!

В тот же вечер епископ подал сестре следующую записку:

Из суммы на экипаж и разъезды:

На мясной бульон для больных в больнице	1500 франков
Обществу призрения сирот в городе Эксе	250 франков
Обществу призрения сирот в Драгин.....	250 франков
Воспитательному дому	500 франков
Сиротам	500 франков
<hr/>	
Итого	3000 франков

Таков был бюджет епископа Мириеля.

Что касается случайных епископских доходов с церковных оглашений, разрешений, соборований, проповедей, освящения церквей или часовен, свадеб и т. д., то епископ брал с богатых с большим рвением, чтобы все полученное отдавать бедным.

Спустя немного времени к нему отовсюду начали стекаться денежные суммы для бедных. Как имущие, так и неимущие одинаково стучались в дверь епископа Мириеля. Одни приходили за милостыней, другие приносили ее. Меньше чем через год епископ сделался казначеем всех благотворителей и кассиром всех нуждающихся.

Значительные суммы проходили через его руки, но ничто не могло повлиять на то, чтобы он изменил свой образ жизни.

Какое там! Так как всегда больше нищеты внизу, чем щедрости наверху, все раздавалось, так сказать, раньше, чем получалось; деньги поглощались, как вода, пролитая на сухую почву, сколько бы он ни получал, ему никогда не хватало. И он опять урезывал себя.

Согласно обычаю епископы в заголовках пастырских посланий и указах по епархии выставляли все свои имена, полученные при крещении. Местная беднота выбрала из этих имен то, которое, по ее мнению, больше всего подходило епископу, и называла его не иначе как монсеньор Бьенвеню¹. Мы последуем их примеру и будем также называть его этим именем. Оно очень нравилось и ему самому. «Я люблю это имя, — говорил он. — Бьенвеню служит поправкой к монсеньору».

3. Доброму епископу тяжелая епархия

Епископ не отказался от своих пастырских разъездов, несмотря на то что все суммы, которые ему за это причитались, раздавал бедным. Диньская епархия представляла мало удобств для путешествий. В этой гористой местности почти не было дорог; в ней числилось тридцать два прихода, сорок один викариат и двести восемьдесят пять церквей без причта. Объехать все это было нелегко. Епископ, однако, справлялся с этой обязанностью: в соседние места он ходил пешком, по равнине ездил в одноколке, по горам — верхом. С ним обыкновенно ездили обе старушки. Только в такие места, где дороги были чересчур плохи, он отправлялся один.

Во время пастырских объездов он был снисходителен и кроток, больше беседовал, чем проповедовал. Жителям одной местности он часто ставил в пример другую, соседнюю. В округах, где сурово обращались с бедными, он говорил: «Посмотрите на жителей Бриансона. Они разрешили беднякам, вдовам и сиротам косить луга на три дня раньше остальных. Они бесплатно строят им дома, когда старые разрушаются. За это Господь благословил их страну. В продолжение целого столетия там не было ни одного убийства».

В деревнях, алчных к наживе, он говорил: «Посмотрите на жителей Анбрена: когда отец семейства, сыновья ко-

¹ Бьенвеню на французском языке означает «желанный гость».

того служат в армии, а дочери живут в городе, захворает во время жатвы, все жители деревни: мужчины, женщины, дети — в воскресенье идут на поле бедняка, дожинают за него жатву и приносят ему в амбар зерно с его поля».

Семьям, ссорившимся из-за денег и наследства, он говорил: «Посмотрите на горцев Девольни. Это такие глухие места, где за пятьдесят лет и соловья не услышишь. Когда у них умирает отец семейства, сыновья уходят на заработки, а все имущество оставляют сестрам на приданое, чтобы они могли выйти замуж». В округах, где любили судиться и где крестьяне разорялись на гербовую бумагу, он говорил: «Посмотрите на добрых землепашцев долины Кейра! Их там три тысячи душ. Боже мой! Это словно маленькая республика. Там не знают ни судей, ни судебных приставов. Все делает мэр. Он распределяет налоги, оценивает по совести, бесплатно разбирает ссоры, делит наследство без вознаграждения, выносит приговоры без судебных издержек; и его слушают потому, что он справедливый человек среди простых людей». В селениях, где не было школьных учителей, он опять ссылался на Кейра: «Знаете ли вы, как они поступают? — говорил он. — Так как маленькая деревушка в двенадцать или пятнадцать дворов не всегда имеет возможность содержать учителя, то они на весь околоток приглашают одного преподавателя, который и учит, переходя из деревни в деревню, оставаясь восемь дней в одной, десять в другой. Эти учителя ходят по ярмаркам. Там-то я их и видел. Их можно узнать по гусиным перьям, воткнутым в шляпу. Те, которые учат только читать, носят одно перо, те, которые учат читать и считать, — два; те, которые, кроме того, учат еще и латыни, — три пера. Эти последние — настоящие ученые. Великий позор быть безграмотным! Поступайте так, как жители Кейра!..»

Так поучал он их, требовательный и любящий, как отец. Когда не было подходящих примеров, он сам сочинял назидательные истории. В них было мало фраз и много образов, и потому речь его была убедительна и неотразима.